

УДК 321; 323

ГАБДУЛЛА ТУКАЙ – ВЫСОКОЧТИМЫЙ ПОЭТ НА СЛУЖБЕ ТАТАРСКОЙ НАЦИИ И СОВЕТСКОГО СОЦИАЛИЗМА*

Михаэль Фридерих, доктор

Меньшинство среди татарских интеллектуалов, критически относящееся к Тукаю, представляло другую точку зрения. Они не оспаривали популярности и успеха Тукаея, но считали, что все это в наименьшей степени зависело от качества его стихов и статей. Галимджан Ибрагимов, ведущий представитель этой группы, заявлял, что Тукай вполне осознанно подталкивался и «раскручивался» татарскими издателями. В 1913 г. он писал: «Нельзя на все смотреть детскими глазами. Очень большая наивность – думать, что почет, который писатель или поэт имеет в народе и печати, всегда связан с его талантом. Связи, положение, часто какой-либо интерес или интриги могут оказать здесь очень большое влияние, и поднять до небес самые скромные способности. И не только среди татар, не сведущих в поэзии или морали, но и в культурном арабском мире полно примеров подобного». После такого общего, но недвусмысленного замечания, Г.Ибрагимов переходит к Тукаю: «Положение и связи очень вовремя подоспели на помощь Тукаеву»¹. Большинство татарских критиков категорически возражало такой точке зрения².

Причина непризнания этой критической позиции состоит, на мой взгляд, прежде всего не в том, что Галимджан Ибрагимов не признавал особой роли творчества Тукаея и ставил его в один ряд с другими татарскими поэтами, писавшими в том же стиле и

на те же темы, что и Тукай³. Позиция Г.Ибрагимова отвергалась в большей степени потому, что он отказывал народу в способности признать великого, в его понимании, поэта. Оспаривая мысль, что признание поэта со стороны «народа» автоматически делает его великим поэтом, Г.Ибрагимов представлял точку зрения, которая не была распространена ни в период национального пробуждения до Октябрьской революции, ни в советское время.

Одним из первых в 1920-е годы выступил против мнения Галимджана Ибрагимова Фатхи Бурнаш. В 1922 г. он определил его аргументы и представления как направленные «против революционного, массового и коллективного искусства»⁴. Ни в 1922 г., ни позднее Ф.Бурнаш не причислялся к «ультралевым» татарским критикам, он больше считался «правым». Поэтому его характеристика Г.Ибрагимова очень ясно показывает, что позиция, ставящая под вопрос важную роль «народа» (неважно при этом как он дефинируется) в определении величия поэта, являлась дискуссионной как для «правых националистов», так и для «левых социалистов».

Хотел ли сам Тукай тесного общения с народом, сознательно ли он писал «по-народному», или же он гораздо охотнее стал бы «интеллектуальным» поэтом как Дэрдменд или Сагит Рамиев, но это было невозможно для него из-за отсутствия образования, и ему не оставалось иной возможно-

* Продолжение. Начало см.: Научный Татарстан. – 2011, № 2–4.; 2012, № 1.

сти, как размышлять о традициях своего народа и произрастать на народной литературе – все это для Ф.Бурнаша неожиданно представляется несущественным. Учитываться может только результат: Тукай и народ были едины и останутся таковыми в будущем⁵. В 1923 г. эта позиция фактически стала официальной по отношению к Тукаю. На собрании, посвященном 1-ой годовщине со дня смерти Тукая 16 апреля 1923 г. в Казани народный комиссар просвещения Татарстана Бурундуков отметил, что Тукай почитается как «народный поэт татар»⁶. Любовь поэта к народу почти всю советскую эпоху оставалась главнейшим моментом, который рассматривался критиками как решающий для популярности и успеха Тукая.

Два пункта отличали советскую критику от критики 1910-х годов: во-первых, больше не упоминался «татаризм» Тукая; во-вторых, понятие «народ» было наполнено новым содержанием. С начала 1920-х годов более не говорилось о любви Тукая к «своему» народу: подобная формулировка имела слишком много национального, слишком мало классового оттенка. На ее место была поставлена любовь Тукая к «народу», что грамматически звучало как обобщение, идеологически являлось уточнением. Хотя вообще-то ни один из дореволюционных критиков не отмечал, что Тукай в своих стихах представлял интересы «реакционных» светских и духовных религиозных кругов татарского общества (капиталистов, землевладельцев, ишанов). И все же «народ Тукая», как он виделся этим критикам, был очень большим. Они дефинировали его с национально-религиозной точки зрения: «народ Тукая» – это мусульмане Российской империи, или же татары, – разницу между ними часто не проводили ни Тукай, ни критики, а также с точки зрения мировоззрения: к «народу Тукая» относились те, кто сетовал, что мусульмане/татары отстают, и выступал за прогресс и лучшее будущее

для них. Поскольку «прогресс» и «лучшее будущее» определялись не совсем точно – и не обязательно с политико-идеологической позиции⁷, то круг тех личностей, которых можно отнести к сторонникам подобных взглядов, был достаточно велик. И он не охватывался только категориями социалистической классовой идеологии.

Однако советские татарские критики дефинировали «народ» именно в этих идеологических категориях. Религия и национальность не играли более никакой роли для определения тех, кто входил в состав «народа». «Народ» приравнивался теперь к «эксплуатируемому», «рабочим и крестьянам», «трудящимся». Считать себя представителем народа могло означать только одно – бороться против угнетения, за свободу и социализм⁸.

Во второй половине 1920-х годов была предпринята попытка, по меньшей мере, внешняя, объявить Тукая не только «народным», но задним числом и «пролетарским» поэтом. В 1927 г., при обсуждении второй книги стихов футуристического поэта Аделя Кутуя⁹ Хайрутдин Вали сопоставил это новое течение в татарской литературе с творчеством Г.Тукая: «Поскольку задача пролетарских поэтов – создание стиля, понятного миллионам людей, то молодые поэты не должны идти по пути Кутуя, и чтобы быть понятными народу, они не должны отдаляться от народной поэзии. Тукай вошел в сложную и широкую массу рабочих и крестьян. Его читали. Его понимали. Причина этого: он создавал свои стихи на основе народной поэзии. Действительно, чтобы быть понятным миллионам, нужно и брать все из среды этих миллионов!»¹⁰ Хотя высказывания Х.Вали и звучат «ортодоксально-социалистически», можно усомниться, действительно ли его взгляды были ортодоксальными, потому что он, хотя и говорит о «рабочее-крестьянских массах», ни словом не упоминает их идеологию. Требуемая им «понятность для миллионов» также не является «социали-

стической ценностью». Здесь, пожалуй, важна не масса, а само такое обращение. Если учитывать те позиции, которые Х.Вали занимал в других своих публикациях¹¹, то, на мой взгляд, здесь мы имеем дело с попыткой ортодоксально-социалистическим голосом защитить Тукая от все усиливавшейся к концу 1920-х гг. «ультралевой» критики.

На протяжении всей истории татарской литературы «ультралевые» были теми, кто не почитал Тукая как народного поэта. Они заявляли, что пора, наконец, покончить со всякими пустыми разговорами о «народе» и «массе» – это «понятия, которые растягиваются как сырая кожа»¹². Вместо них, необходимо было употреблять такие определения как «такой-то общественный слой» или «такой-то класс». По мнению Ф.Сайфи-Казанлы (ноябрь 1929 г.), Тукая нельзя без всяких корректур и без условий определять как народного поэта¹³. В своем творчестве он, прежде всего, отразил «культурную борьбу в высших слоях татарского населения», но «ничего не оставил заметного о жизни крестьян, составлявших 99% татарского народа»¹⁴. И в тех редких случаях, когда Тукай в своих стихах обращался к низшим, угнетенным слоям татарского народа, очень легко заметить, что он не только не понимал их ситуацию и их проблемы, но и не представлял перспективы, как можно достичь улучшения или решения¹⁵. В 1931 г. Афзал Шамов заявлял, что Тукай происходил из мелкой буржуазии и потому в своих произведениях предпочтение отдавал именно проблемам этого класса¹⁶. Так, критика со стороны «ультралевых» и состояла в бесконечном повторении ничего не значащих фраз, точно так же, как и партия постоянно подчеркивала свое представительство народа¹⁷. Как было показано выше, аргументы «ультралевых» критиков не были опровергнуты с помощью контраргументов, они очень просто были объявлены «неверными», а они сами были осуждены и большей

частью расстреляны как враги народа и контрреволюционеры.

С конца 1930-х гг. Габдулла Тукай был вновь реабилитирован и признан как народный поэт, а значит и борец за социализм. В начале 1940 г. об этом писал Ф.Абдрахманов: «[Тукай] умер, так и не увидев зарю великого Октября. Но народ не забыл Тукая, который всем своим творчеством служил для того, чтобы эта заря взошла».¹⁸ То, что имеющаяся вера Тукая в народ и любовь, которую за это дарил ему сам народ, являлись важнейшими характеристиками для «народного поэта», татарские критики послевоенного времени охотно доказывали цитатами из известных русских авторов. Гали Халит успешно нашел для этого «основателя социалистического реализма» Максима Горького (1868–1936) и «отца социалистической литературной критики Николая Добролюбова (1836–1861). У Горького Г.Халит цитировал фразу: «Народ – это единственный и нескончаемый источник всех духовных ценностей»¹⁹. А то, что Н.Добролюбов сказал о русском поэте Кольцове очень точно подходило и для Тукая: «Он жил жизнью народа, мог понимать горе и радость этой жизни и сумел рассказать об этом»²⁰. Конечно, не случайно, что такое «русское обоснование» народности татарина Тукая очень охотно и часто приводилось критиками в конце 1940–1950-е гг.²¹, так как это были годы, когда величие «национальных» героев измерялось тем, как он был близок (естественно, недостижимым) русским образцам²². С 1960-х годов в случае с Тукаем «русское обоснование» не выводилось на сцену, однако рассмотрение его связи с народом не только не ослабело, а наоборот, еще более усилилось.

В этом пункте, в оценке отношения «Тукай-народ», не было никаких противостоящих друг другу позиций. Все те противоречия, которые можно видеть между «старыми» и «новыми» критиками во всех аспектах дискуссии о Габдулле Тукае, отсутствовали в де-

батах на тему «Тукай и народ». Даже татарские эмигранты, проживающие в Турции, соглашались по этому пункту со своими советскими соплеменниками. «Старый», верный партии советский критик Р.Нафиков, например, писал в 1966 г.: «Тукай черпает силы из души народа»²³. Надир Девлет, татарский эмигрант, констатировал в 1971 г.: «Точно так же, как башня Сююмбике является символом независимости для казанцев, Тукай является литературным символом татарского народа»²⁴. Скорее «либеральный» советский татарский поэт и писатель Сибгат Хаким в 1975 г. высказал точку зрения, что «все пережитое Тукаем напоминает тяжелую судьбу татарского народа»²⁵. Это очень напоминает реплику татарского эмигранта Хусаина Габдуша, высказанную только за два года до этого: «Судьба Тукая была едина с судьбой его народа»²⁶. Подводя итоги изучения, а также, быть может, даже невольно, заглядывая в перспективу Борис Антонов и Люция Валиева начали свое введение к путеводителю по музею Тукая в Кырлае следующими словами: «Тукай – сотни тысяч людей с огромной гордостью и священной любовью упоминают это имя (...) С каждым годом Габдулла Тукай становится все величественнее, и на службе народу он сверкает как маяк, равного которого еще не было в татарском мире»²⁷.

Эта формулировка, на мой взгляд, показывает совершенно ясно: для всех татарских критиков Тукай и народ не отделимы друг от друга. Невозможно представить Тукая без народа, а без Тукая татарский народ потерял бы свою главную фигуру для идентификации. Как «Тукай», так и «народ» в этом уравнении являются обязательными.

2.2. Читатели Тукая

Информация о том, кто был читателем произведений Габдуллы Тукая и какие из его стихотворений особенно высоко ценились среди читателей,

довольно скудна. Об этом нет никакой статистики, и, насколько мне известно, об этом не проводились специальные опросы²⁸.

Данных о популярности Тукая в то время, когда он жил в Уральске (до осени 1907 г.), и его стихи публиковались только в тамошних газетах и журналах, очень мало. Учитель по имени Ризван Ибрагимов сообщил о случаете, свидетелем которого он стал в мае 1906 г.: в вагоне третьего класса в поезде недалеко от Иркутска какой-то татарин читал вслух журнал «Әлгасарел-жәдит» (Уральск). Ехавшие в том же вагоне татары прервали свое излюбленное занятие – игру в карты – и с любопытством начали слушать читающего. Когда он закончил, они высказались, что им более всего понравилось стихотворение Габдуллы Тукая «Мөридләр каберстанындин бер аваз»²⁹. Мне представляется довольно сомнительным, делать из этого небольшого сообщения вывод, что стихи Тукая уже в 1906–1907 гг. были очень любимы и широко распространены³⁰.

Большинство как тогдашних, так и позднейших источников показывают, что историю успеха Тукая можно начинать с его переселения в Казань.³¹ Оценивая первый сборник стихов Габдуллы Тукая³², вышедший в Казани в конце 1907 г., Фатых Амирхан рекомендовал всем «любителям литературы и всем шакирдам внимательно прочитать его»³³. Очень многие публикации в 1907–1914 гг. подтверждают, что прогрессивно мыслящая татарская молодежь с воодушевлением воспринимала стихи Тукая и являлась наиболее прилежным его читателем. Примечательно, что в них особенно подчеркивается, что молодого поэта высоко почитали также девушки и женщины³⁴.

Очень коротко хочу здесь упомянуть, что отношение женщин к русскому поэту Михаилу Лермонтову, с которым в советское время часто и охотно сравнивали Тукая, было очень почетным и уважительным. Наблюдение Александра Дюма, сделанное им

во время путешествия по России, вполне может быть применено для характеристики отношения женщин к Тукаю: «Русские с таким воодушевлением и почетом относятся к Пушкину и Лермонтову, женщины в особенности ко второму, с каким народы с бедной поэтической традицией относятся к первым поэтам, которые подчинили их язык ритму»³⁵. Русские женщины особенно очарованы теми стихами Лермонтова, которые отмечены «глубокой грустью и печалью»³⁶. Именно это качество (по-татарски – «моң») определяет и стихи Тукая. И Тукаю мастерски удавалось передать это чувство, что признавал и самый его главный критик Галимджан Ибрагимов³⁷.

Поэтому вовсе не удивительно, когда среди стихов, которые, по сведениям тогдашних источников, находили самый большой отклик в среде татарской молодежи, практически нет ни одного, которые тогда или позднее, в советское время, по своему содержанию представлялись бы политически наиболее ценными. При жизни Тукая наиболее популярными произведениями Тукая являлись, во-первых, его переработки татарского фольклора, как например, «Шүрәле» или «Су анасы», или же стихи, имеющие фольклорный оттенок («Пар ат», «Туган тел», «Туган илем»); во-вторых, стихи, полные сомнений и печали, в которых он сетует на низость и бренность мира (как например, стихи в сборнике «Күңел жимешләре», изданном в 1911 г.); в-третьих, произведения, в которых поэт, совершенно в духе джадидистов высмеивает отсталость и суеверия населения, как например, «Печән базары яхуд яңа Кисекбаш» или упоминавшееся выше стихотворение «Мөридләр каберстанындин бер аваз»³⁸.

Хотя резонанс стихотворений Тукая среди татарской молодежи и учителей был велик, об его личности и его жизни было известно очень мало. В докладе по поводу 5-й годовщины со дня смерти Тукая Шакир Мухаммедьяров описывал, что же знали (или не

знали) грамотные татары о раннем Тукае: «Они [грамотные татары] и не знали, что Тукай – больной, бедный парень, который набирает буквы в этом городе Уральске, но из-за исходящего из его стихов высокого духа, он представлялся не как 18-летний шакирд, а быть может 40–50-летний многоопытный старейшина, волосы которого поседелели из-за переживаний за свою нацию»³⁹. То, что вопросы: Как живет Тукай? Где он живет? Кто его друзья? Кто его родители? Откуда он происходит? – мало занимали и интересовали татарскую общественность подтверждал и Габдулбари Баттал в статье, написанной по поводу кончины Тукая: «Жизнь Тукаева была тяжелой, печальной, бедной, полной забот и болезней. Но основная масса нации толком ничего не знала об этом. Как живет Тукай? Где живет? С кем дружит? Чей он сын? Откуда он родом? Этого особенно и не допытываются. Но его стихи любит каждый представитель нации, читает их с большой радостью и интересом»⁴⁰. Похоже, что для большинства татар, интересовавшихся Тукаем, по крайней мере до его кончины в апреле 1913 г., единственным источником информации об его личности оставалась его автобиография «Исемдә калганнар», опубликованная в 1909 г. и описывающая раннее детство поэта⁴¹.

Есть только отдельные сообщения о современниках Тукая, которые его не читали или же противостояли тому воодушевлению, с которым воспринимала Тукая молодежь. В своей рецензии на сборник Тукая «Күңел жимешләре» (1911 г.) журналист Кабир Бакир отмечал, что большинство читателей религиозно-консервативной газеты «Нур», выходившей в Санкт-Петербурге, и в которой он сам работал, не читает стихов Тукая. Отвергали поэта представители духовенства и часть стариков в деревнях⁴². Эту же мысль о представителях духовенства привел весной 1913 г. и Захит Нуркин. Он услышал «от одного наше-

го известного и уважаемого хазрата»: «Испортитесь времена... Казанская молодежь чуть ли не преклоняется перед каким-то мальчишкой-певцом – Тукаем»⁴³. 11 апреля 1913 г. в газете «Кояш» сообщалось, что старики в деревнях еще ничего не слышали о Тукае. Когда автор рассказал им, что был Тукай, что он написал, тогда «понимающая» (аңлы) часть стариков отметила, что смерть поэта явилась потерей для всех татар. Но «непонимающие» (аңсызлар) имели совершенно иное мнение: «Хорошо, что он умер. Мир успокоился. Одним безбожником стало меньше». Поскольку Тукай во многих своих стихотворениях критиковал шарлатанов, рядящихся в религиозные одеяния, насмехался над необразованными и неспособными муллами, легко понять, почему традиционно-религиозная часть населения была настроена враждебно по отношению к нему. И все же удивляет, что в тогдашней прессе еще один слой татарского общества представляется как дружелюбно настроенный по отношению к Тукаю, как ищущий его расположения – это предприниматели и фабриканты. Понятно, что для издателей имелся здесь чисто коммерческий интерес. Но в 1914 г. Махмуд Фуад очень ясно и обоснованно подтвердил, что и татарские «капиталисты» ценили Тукая, и в качестве примера назвал приглашение, посланное Тукаю промышленником Хасаном Акчуриным. Хотя Тукай чувствовал себя несколько неуютно на приемах, организованных в его честь, но затем свыкся и наслаждался беззаботной салонной жизнью – выше уже говорилось об этом.

На вопросы, насколько широко было известно творчество Тукая при его жизни и кто тогда являлся его читателем, нет однозначного ответа. Ясно устанавливается лишь одно – какая часть населения в тогдашней татарской прессе никогда не упоминается в качестве читателей Тукая – это, как принято было в социалистической терминологии, «трудящиеся», «рабо-

чие и крестьяне». Конечно, число татарских рабочих было невелико, но они были в Казани, а также в Москве и Санкт-Петербурге, городах, где издавались самые разные татарские газеты и журналы. Когда в прессе сообщалось о читателях Тукая в деревнях, практически не упоминались крестьяне, а большей частью деревенские «интеллектуалы» (шакирды и учителя). Эти наблюдения, однако, не означают, что татарские рабочие и крестьяне не читали произведений Тукая, они только показывают, что об этом отсутствуют конкретные сведения.

Только одна часть татарского населения, как было показано выше, всегда явственно упоминалась в качестве читателей Тукая – прогрессивно настроенная татарская молодежь. Что же определяло ее прогрессивность, это никогда не объяснялось точно – или же потому, что не имелось ясных и разделяемых всеми представлений об этом; или же потому, что это казалось само собой разумеющимся и не требовало никаких объяснений. Последнее должно нас подвести к наблюдению, что речь шла о джадидистских представлениях. Стоит упомянуть, что тогдашние татарские интеллектуалы и критики не приписывали социалистического мышления ни молодежи, в целом, ни Тукаю, в отдельности. Причиной популярности Тукая у татарских читателей для его современников совершенно очевидно не являлось его включение в борьбу за социализм, о чем говорилось уже позднее.

С начала 20-х гг., как было показано выше, усилились идеологические дискуссии вокруг Тукая и его творчества. И вопрос об его читателях не остался незатронутым. Те критики, которые хотели понимать Тукая как представителя гуманистического мировоззрения, заявляли, что Тукай понимается не как «классовый поэт», а как «народный поэт»⁴⁴. Тукая читали не какие-то определенные круги татарского населения, а весь народ. Но, по меньшей мере, на словах эти критики не зашли

так далеко, как Шакир Мухаммедьяров, который уже весной 1918 г. заявил: «И старый, и молодой, и богатый, и бедный, и шакирд, и девушка – все находят для себя что-то нужное в его сокровищнице»⁴⁵. Но и утверждение Ахмета Гумарова 1923 г. о том, что «начиная с ученика в школе до интеллигента, способного рассуждать о самых сложных проблемах жизни, все с любовью и удовольствием читают бессмертные произведения Тукая»⁴⁶, показывает такой круг читателей Тукая, который вряд ли можно идентифицировать с социалистической дефиницией «народа».

Второе течение внутри татарской интеллигенции, которое критически относилось к Тукаю, правда, не оспаривало того, что произведения Тукая широко распространены и популярны среди населения, но заявляло, что особый резонанс получили, в первую очередь, его «плохие» стихи. Под такими понимались такие произведения, как «Шүрәле» и «Юаныч»: «Земледельцы получили удовольствие, читая такие стихи Тукаева, отражающие естественную народную жизнь, как «Шүрәле» и «Юаныч» и им подобные, а не «Беренче хэбэр» или «Көзге жиллэр». Тукай при этом отмечался как «автор красивых баллад, положивший в лирическую форму народные суеверия и предрассудки»⁴⁷. «Хорошие» стихи, вроде «Беренче хэбэр» или «Көзге жиллэр» остались неизвестными народу и не могли быть поняты, по меньшей мере, крестьянским населением, потому что «на них оказывали влияние не поэзия и литература, а старые мульты»⁴⁸. Причину «неверного» понимания Тукая эти критики видели не собственно в его творчестве, не в преднамеренном искажении его читателями, а в сильном влиянии, которым пользовалась небольшая группа «реакционных элементов», прежде всего, «представителей консервативного духовенства», препятствовавшая «правильному» развитию сознания народа.

Из короткого периода конца 1920-х – начала 1930-х годов, когда «ультралевые» позиции определяли татарскую литературную критику и когда Тукай оказался под сильным обстрелом с ее стороны, мне неизвестна ни одна конкретная точка зрения о тех, кто читал Тукая при его жизни. Но совершенно точно известно, кто в этот период считался «нечитателем» поэта. После того как Тукай, а вместе с ним и все дореволюционное прошлое были объявлены если не вредными, то бесполезными для современности, логично было принять, что самым лучшим является вообще не читать его стихи. В конце 1929 г. Ф. Сайфи-Казанлы высказался так: «Стихи Тукая совершенно не годятся для татарской рабочей молодежи, воспитывающейся в идеологии пролетариата и с энтузиазмом социалистического строительства»⁴⁹.

Уничтожение в период сталинской «большой чистки» нигилистических «ультралевых» критиков, которые так оценивали прошлое, вернуло с 1936 г. Тукая в репертуар массового чтения. И весной 1936 г. Фатхи Бурнаш уже мог констатировать: «Масса рабочих и крестьян с большой любовью читает и изучает стихи Тукая, и Тукай является одним из самых любимых поэтов советского народа»⁵⁰. Почему Тукай и какой Тукай был особенно любим народом, в 1938 г. установил очень ясно Ф. Габдрахманов: «Следует понимать: народ полюбил Тукая не за религиозность, которая порой проявлялась в его творчестве, не за «национальное чувство» или пессимистические мотивы, а полюбил за резкую критику капиталистического строя, воспевание нужд угнетенного народа, свободы народа»⁵¹. Это высказывание коротко и прямо ведет к другому стереотипному заявлению, которое активно повторялось с 1938 г., а именно, что Тукай получил известность, настоящую известность только в советское время. По моим данным, впервые подобное было высказано 15 апреля 1938 г. в редакционной статье газеты

«Кызыл Татарстан», написанной по поводу 25 годовщины со дня смерти Тукая. И аргументация в данном случае весьма примечательна: «Широкая популярность Тукая началась только после Великой Октябрьской социалистической революции. Его творчество превратилось в гордость миллионов трудящихся. В нашей стране, в которой процветает социалистическая по содержанию, национальная по форме культура, народное творчество поднимается до таких высот. Габдулла Тукай – наш поэт. Только Советская власть воспринимает самое лучшее наследие, сохранившееся в народе, и поднимает его. И такой подъем наследия невозможен ни в одной стране, кроме страны, которой руководит великий вождь человечества Сталин. Наоборот, культурное богатство, собиравшееся тысячелетиями, сжигают на кострах в странах, где правят фашисты»⁵².

Автор этих величественных слов проводит полноценную параллель: творчество Тукая идентично с «творчеством» народа, одно невозможно отделить от другого, они составляют единое целое. И логично из этого проистекает, что творчество Тукая поднялось только тогда, когда поднялся народ. А всего, чего достиг народ, он достиг благодаря руководству Сталина, который тем самым превращается в «духовного наставника» Тукая. Понятно, что такое сравнение очень и очень условно, но в данном случае невольно напрашивается сравнение со «святой троицей»...

То, что позиции процитированной статьи практически лишены какой-либо исторической основы, не требует лишнего упоминания. Только, похоже, что советская действительность, в которой жил автор, не затуманила полностью его картину: публичные сожжения книг, которые он совершенно правомерно относит к фашистам, имели место и в социалистическом Советском Союзе в 1937–1938 гг.⁵³

25 годовщина со дня смерти Тукая, в апреле 1938 г., дала прекрас-

ную возможность популяризировать поэта и его творчество именно в вышеуказанном понимании. Партийно-идеологическое руководство теперь определенно взяло в свои руки представление Тукая: партийные комитеты назначали докладчиков, которые в апреле 1938 г. выступали в школах, университетах, фабриках и цехах: «Товарищи, назначенные парткомами, провели беседы на заводах и в цехах, чтобы глубоко познакомить рабочих с творчеством и жизнью Тукая»⁵⁴. 7 апреля 1938 г., в связи с 25-й годовщиной со дня смерти поэта, началась и пропаганда Тукая через радио. На протяжении всей последующей недели каждый день в эфире звучали стихи Тукая⁵⁵.

Результаты такой пропагандистской активности отражались в сообщениях и письмах читателей, публиковавшихся в татарской прессе, и в них говорилось, что спрос на произведения Тукая в библиотеках и книжных магазинах настолько возрос, что он не удовлетворяется полностью, и поэтому должны издаваться новые и новые тиражи его книг⁵⁶. Но жалобы на недостаток имеющихся изданий Тукая, которые уже активно звучали и во второй половине 1920-х гг.⁵⁷, можно рассматривать как «палку о двух концах». Они должны были показать, что Тукай в высшей степени любимый и ценный поэт, произведения которого, как и раньше, читаются очень охотно. Одновременно этим заявлялось, что народ очень хорошо знает его стихи, но возникает вопрос, из каких же изданий татары знали Тукая, если этих изданий не хватало или не было? Правда, татарские критики никогда такого вопроса не ставили, и потому на него и не было ответа.

С середины 1940-х гг. Габдулла Тукай был твердо признан как поэт татарского народа. Такие идеологические термины, как «трудящиеся», «рабочие» или «массы» при определении круга читателей поэта при его жизни применялись теперь все

реже и реже. И на место определяемого по-социалистически народа заступил досоциалистический «весь народ». И такое представление было близко тому, которое фактически главенствовало до конца 1910-х гг. Начало такой реинтерпретации положил Мухаммед Гайнуллин в статье «Тукай һәм халык ижаты», опубликованной в декабре 1945 г. в журнале «Совет әдәбияты». Он писал: «Мы не ошибемся, если скажем, что в свое время не было ни одного человека, который что-либо не взял бы из творчества Тукая. От младенцев в колыбели до белобородых стариков-трудящихся...»⁵⁸. Даже если М.Гайнуллин и не имел этого в виду, но все же его высказывание можно интерпретировать так, что и татарская буржуазия, издатели, промышленники, духовенство (по меньшей мере, прогрессивно мыслящая его часть) принадлежали к числу читателей и поклонников Тукая и находили в его творчестве свои собственные идеалы и восприятие мира.

Заявление о том, что творчество Тукая сопровождает каждого татарина от колыбели до могилы, стало стереотипным, когда говорилось о значении Тукая в жизни татар⁵⁹. И при этом не играло роли, говорится ли о прошлом, настоящем или будущем, и не имело значения, какова была политико-идеологическая точка зрения того, кто высказывал такую мысль. Габдулла Тукай представлялся как незаменимая составная часть, а порой даже фундамент татарской жизни и татарского самосознания. Имя Тукая не только стало синонимом слова «поэт», как это отметил башкирский автор С.Агиш в 1956 г.⁶⁰ Татарский эмигрант Надир Девлет, проживающий в Турции, даже назвал его «символом нашего народа»⁶¹. А советский татарский поэт Сибгат Хаким в 1975 г. позволил себе бросить взгляд в будущее: «Тукай – это поэт, который равно будет почитаться всеми поколениями. И он сопровождает тебя с самого дня рождения

до конца жизни. (...) Короче говоря, наш народ не живет ни одного дня без Тукая»⁶².

Такие бессодержательные фразы ясно показывают, что, по сути, речь здесь не идет о реальном человеке Тукае и его творчестве. Обращение к Тукаю все более очевидно и явственно приобретает агиографический характер, «который проявляется в создании деиндивидуализированной, иератической личности»⁶³. И это все более и более скрывало рациональную оценку. Она не была востребована. Согласие с ней или же отказ от нее являлись лишь вопросом веры.

2.3. Состояние занятий Тукаем⁶⁴

«За последние пять лет из всех наших писателей Габдулла Тукай, несомненно, был самым упоминаемым, о котором было написано более всего воспоминаний. Каждый год, в начале апреля, в годовщину его кончины о нем пишутся большие статьи, а некоторые газеты и журналы полностью посвящают ему свои номера»⁶⁵. Когда издатель Шахар Шараф в апреле 1918 г. так определил состояние занятий Тукаем и его творчеством, он сделал из этого следующий вывод: «И нет, однако, большой необходимости объяснять Тукаю народу. И уже весь народ признал его как татарского поэта».

Мне не известно, разделяли ли мнение Ш.Шарафа о том, что о Тукае и его творчестве сказано и написано уже достаточно, его современники, татарские критики и интеллектуалы дооктябрьского времени. Но твердо устанавливается, что в советское время такую точку зрения не представлял никто. Советские татарские критики постоянно повторяли, что Габдулла Тукай исследован и изучен недостаточно. Постоянное повторение недостатков и недочетов в занятии поэтом и его творчеством напоминало пустой ритуал, когда содержательная сила высказывания чаще всего является очень скудной.

В 1923 г. Галимджан Нигмати выразился еще конкретнее: «Не будет неуместным, если на пятом году Октября, когда наступила очередь и для литературных дискуссий, мы, марксисты, исходя из своих позиций – с социальной стороны, начнем давать оценку творчеству поэта»⁶⁶. Очевидно, однако, что предложение Нигмати осталось не услышанным. Хотя в 1926 г. Махмут Будаили заявил, что Фатхи Бурнашу в предисловии к вышедшему в том же году сборнику произведений Тукая удалась «марксистская» (!) и «объективная» критика⁶⁷, это заявление вызвало резкую реакцию, когда по праву было обращено внимание на то, что «объективная» и «марксистская» не совместимы друг с другом⁶⁸. В 1928 г., через пять лет после того как Г.Нигмати в первый раз заметил отсутствие обоснованной критики Тукая и призвал своих коллег изменить такое положение, он был вынужден констатировать, что реально все еще ничего не изменилось: «Сегодня исполнилось 15 лет со дня смерти этого великого поэта. Но у нас до сих пор Тукай понастоящему не изучается, ему не дана полная оценка»⁶⁹.

Мне не известны точки зрения «ультралевых» критиков, доминировавших в литературно-идеологических дискуссиях первой половины 1930-х годов, относительно состояния изучения Габдуллы Тукая. Но можно вполне уверенно полагать, что они, обрушив острую критику на поэта и его творчество и отметив его ненужность для современности, оценивали всю критику, звучавшую в его адрес как недостаточную.

С 40-х гг. достаточно спокойно вернулись к позициям 20-х годов. Отмечалось, что Тукай изучался и изучается явно не достаточно, что исследование его творчества является одной из неотложных задач, которой должны посвятить себя Институт языка и литературы и Союз писателей⁷⁰. В 1954 г. Р.Нафиков сетовал на то, что тема «революционной деятельности»

Тукая, «несмотря на ее значимость и актуальность, до настоящего дня еще не разработана»⁷¹. Для писателя Габдрахмана Абсалямова, отмеченного в 1959 г. Тукаевской премией, не только тема, указанная Р.Нафиковым, оказалась не разработанной – в том же, 1954 г., что и Р.Нафиков, он критиковал шаблонность, с которой до того времени изучалось творчество Тукая: «Понятно, что для раскрытия величия Тукая в стандартных и дежурных статьях ценности с гулькин нос. Пора отказываться от общих статей о народном поэте, написанных путем компиляции. Тукай следует изучать конкретно»⁷². С таким же надрывом выступал и Гумер Баширов, председатель Союза писателей Татарстана. В декабре 1954 г. на втором съезде советских писателей в Москве он отмечал общие недостатки в татарской литературе и критике и заявил: «Даже титан татарской литературы и культуры не изучен надлежащим образом. Монографии, статьи, диссертации и т.п., написанные об его богатом и многостороннем творчестве, в большинстве своем написаны в очень общем характере. И авторы этих трудов до сих пор не ушли дальше повторения общеизвестных фактов в различных вариациях»⁷³. Такое состояние, по-видимому, продолжало сохраняться, потому что в 1961 г. Хасан Туфан писал: «Тукай – это поэт, глубокий, широкий и сложный, как море. И мы до сих пор еще по-настоящему не узнали его»⁷⁴. В том же году эту мысль подтвердили как Хасан Хайри, так и повторно Гумер Баширов⁷⁵. В 1966 г. полностью (на словах) согласился с Хасаном Хайри Ибрагим Нуруллин, который в иных ситуациях всегда резко критиковал его. Несмотря на то, что о Тукае исписаны уже тонны бумаги (батманлап), по его мнению, «уровень нашего знания о жизни и творчестве великого поэта все еще не достаточен (...) Совершенно не удовлетворительны ни изучение личности Тукая, ни исследование его творчества»⁷⁶.

Эти десятилетиями повторявшиеся признания о недостатках и недочетах в изучении Габдуллы Тукая практически оставались бессодержательными. Слышны были только жалобы и сетования, не было никаких необходимых инициатив, конструктивных и конкретных предложений, в каком направлении должно продвигаться исследование, какие вопросы должны быть затронуты и изучены? И точно так же не было попыток выяснить причины имеющихся недостатков. На мой взгляд, основание для этого было следующим: поскольку критики вскрывали (собственные) ошибки, они как бы принимали на себя все возможную критику. Такой способ самокритика был, таким образом, своего рода самозащитой. И эту функцию такая самокритика могла играть только в том случае, если она была оборонительной, т.е. она никак не конкретизировалась требованиями, что же следует делать дальше.

Критика неудовлетворительного состояния изучения личности и творчества Тукая была точно такой же общей и безличностной, как и вся дискуссия о нем самом. В обоих случаях речь шла не о реальной личности и имеющемся творчестве, а о пробелах, которые можно было бы заполнять меняющимся содержанием.

3. Pro и Contra: представление отдельных тем

В этом разделе я хотел бы рассмотреть две темы, которые играли важную роль в дискуссии вокруг Тукая – «религия» и «нация». И здесь речь не пойдет о том, какую позицию занимал поэт по отношению к этим темам в своей жизни или творчестве – Габдулла Тукай не был поэтом, который незыблемо занимал и защищал однажды выбранную позицию. Похоже, что этот факт многие из татарских критиков воспринимали с трудом. Из позиций, которые поэт занимал в то или иное время, они выбирали те, кото-

рые подходили под их собственное видение. А эта «собственная» картина при этом очень часто определялась политико-идеологическими течениями той или иной эпохи. Элементы, не вписывавшиеся в картину, либо просто-напросто не упоминались, либо искажались. Таким подходом критики наполняли видение Тукая удивительными контрастами, что даже не соответствовало действительности. Полярные интерпретации и оценки, когда иная точка зрения или оценка уже совсем не воспринималась, создавали впечатление, что сам Габдулла Тукай представлял экстремальные, очень противоречивые позиции. Однако в реальности Тукай не поддерживал никаких экстремальных позиций, которые приписывали ему критики. Его различные и меняющиеся взгляды, которые он отражал на бумаге в своих стихах и статьях, являются, на мой взгляд, в большей степени отражением «неидеологического» духа, если можно применить такую нейтральную формулировку. Поддержал бы такой подход сам Тукай, делало ли это ему честь – другой вопрос, на который я не хотел бы отвечать.

Хотя критики и приводили различные цитаты из Тукая, чтобы подтвердить правильность своего представления, все-таки похоже, что для них, в первую очередь, речь шла не о самом поэте, а скорее, об актуальных вопросах современности или же, в отдельных случаях, исключительно о собственной персоне и ее репутации как ведущей фигуре какого-либо литературно-политического течения. Поэтому их высказывания об отношении Тукая к «религии» и «нации» меньше говорят о поэте и его творчестве, и больше о времени, в которое они были сделаны.

Темы «религия» и «нация» взяты лишь в качестве примера, они могут пониматься как показательные, как определенный образец обхождения с творчеством Тукая. Периодизация этих высказываний, в целом, совпадает с той, которая приводится при рас-

смотрении высказываний о мировоззрении Тукая.

3.1. «Религия»: вера или атеизм

В жизни «татар»⁷⁷ на рубеже 19–20 вв. религия играла важную роль. Ислам не только имел большое, основополагающее значение для самосознания «татар», он служил также разделительной линией с русскими и давал «татарам» уверенность в том, что они являются частью «уммы», объединяющая всех мусульман.

В последние 15–20 лет 19 в. росло число тех, кто выражал неудовлетворение реально существовавшим исламом и высказывал это открыто. Их критика была направлена, в первую очередь, против застывших структур в школьном образовании. Они придерживались мнения, что прежние методы преподавания не достаточны для нового времени и потому требовали «новых методов» (ысулы жэдит). Однако они не ограничили свою критику только школьным образованием, определяемым религией, а распространили ее и дальше, на весь «старый порядок». Поскольку они постоянно заявляли о необходимости «обновления» и требовали его, их движение получило название «джадидизма» (жэдикчелек), а сами представители этого течения определялись как «джадидисты» (жэдикчелэр). Их противники, сторонники прежнего порядка, назывались ими «кадимче».

В связи с борьбой джадидистов следует отметить два момента. Во-первых, они не требовали отказаться от религии, они не являлись материалистами или атеистами. Они стремились больше к тому, чтобы религия была «очищена» от различных «пороков», как например, от дурного влияния ишанов, суфиев и прочих «шарлатанов». Они боролись против фальсифицированной религии, за истинную, чистую и первоначальную веру. Во-вторых, джадидизм не начертал на своих знаменах никаких националь-

ных (в западном смысле) требований. В программе джадидистов не встречается этнически дефинированная нация. Их действия являлись наднациональными, они являлись просветителями в лучшем смысле этого слова⁷⁸.

Габдулла Тукай написал много стихотворений, в которых он, полностью в джадидистском духе, критиковал различные «пороки» религии. Большинство этих произведений носят сатирический характер, в них он издевается над разного рода «религиозными шарлатанами», высмеивает невежество многих «кадимче» и более или менее оригинальными словами описывает бездну, которая лежала между претензиями кадимистов быть защитниками религии и их нерелигиозным образом жизни. Такие стихи характерны для раннего творчества Тукая, большинство из них были написаны в Уральске или же почти сразу же после его переезда в Казань осенью 1907 г. Наряду с сатирическими он писал также «серьезные» стихи на религиозные темы. В них он выражает свои поиски и стремление быть ближе к Богу. Число таких стихов, которые были написаны после 1909 г., правда, не больше числа сатирических.

Подавляющее большинство тогдашних критиков, писавших о творчестве Тукая в татарской прессе, полны восхвалений сатирических стихов Тукая, направленных против кадимистов. То, что эти стихи пользовались большим спросом, показывает, что они были популярны не только в узком слое интеллектуалов⁷⁹. Хотя его «серьезные» религиозные стихи получали меньше внимания со стороны критиков, однако, если они упоминались, то только как удачные и оценивались положительно. Так, например, Галимджан Ибрагимов, в иных ситуациях мало говоривший хорошего о творчестве Тукая, назвал «истинной поэзией» стихотворения «Күңел» и «Вакты гажезем»⁸⁰. В 1914 г. Г.Рафики назвал в качестве стихов, «освещающих наши души божественным светом»

– «Васиятем», «Мигъраж», «Кадер кич», «Ана догасы» и «Аллаһ тәбарәк вә тәгалә»⁸¹. Кроме «Ана догасы», в советское время ни одно из названных стихотворений не было включено в сборники Тукая⁸². Тем не менее, за эти стихи он резко критиковался в 1920-1930-е годы⁸³.

До начала 20-х гг. в Татарстане не проводились кампании против мусульманской религии. Только с 1923 г. начались нападки на ислам⁸⁴, который, как утверждалось, пытался в ходе новой экономической политики вновь вернуть свое влияние⁸⁵. Как в Казани, так и в Москве татары основали объ-

единения и кружки, целью которых стала борьба с исламом⁸⁶. После того как Академический центр при Народном комиссариате образования Татарской АССР весной 1923 г. принял решение о написании антирелигиозных книг⁸⁷, с 1924 г. начали появляться публикации соответствующего содержания⁸⁸. С августа 1925 г. в Москве началось издание антирелигиозного ежемесячного журнала «Фән һәм дин», который возглавил Галиасгар Гафуров (Чыгтай), бывший мулла из Самарской губернии. С середины 1932 до конца 1937 г. журнал издавался под названием «Сугышчан алласызлар».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Ибраһимов Г.* Татар шагыйрьләре. – Оренбург, 1913. – 75 б.

² См., например: *Кәрәм Г. Габдулла Тукаев // Аң. – 03.04.1914. – № 7. – 130–133 б.*

³ *Ибраһимов Г.* Татар шагыйрьләре. – 65 б.

⁴ *Бурнаш Ф.* Татар шигырьләрендә ижтимагый моңнар. Тукай үлүенә 9 ел тулу мөнәсәбәте белән // Татарстан хәбәрләре. – 17.04.1922. – № 87 (464)

⁵ *Шунда ук.*

⁶ Тукайга хәтирә кичәсе // Татарстан. – 18.04.1923. – № 79 (744).

⁷ Очевидно, что в 1910-е годы многие татарские интеллектуалы связывали прогресс и лучшее будущее с техническим развитием. Например, медресе «Хусаиния» в Оренбурге, одно из известных учебных заведений, где преподавание велось по «новому методу», называлось «заводом нравственности и воспитания (Дин вә мәгыйшәт. – 13.11.1909. – № 45. – 794 б.). Риззәтдин Фахретдинов представлял в 1910 г. как будет выглядеть Каргалинская слобода к своему 200-летию – к 1949 г.: трамваи и автомобили, электрическое освещение улиц, связь, телеграммы, телефон и «еще много разных удивительных вещей, кроме этого» (Фәхретдин Р. Әхмәт бай. – Оренбург, 1910. – 11 б.). Галимджан Ибрагимов в 1915 г. попытался дать общее представление: «Прогресс – это значит разрушение старого образа жизни и создание новых условий, которые отвечали бы новым потребностям» (Аң. – 1915. – № 20. – 357 б.)

⁸ Один из первых примеров подобного объяснения успеха Г.Тукая – это редакционная статья, появившаяся в газете «Татарстан» по поводу 10-годовщинны со дня смерти поэта (Ун ел тулганда // Татарстан. – 15.04.1923. – № 77 (742).

⁹ *Кутуй Г.* Кайнар көннәр. Хикәя, шигырь һәм поэмалар жьентыгы. – Казан, 1927.

¹⁰ *Вәли Х.* Футурист шагыйрь // Безнең юл. – 1927. – № 11. – 31 б.

¹¹ См., например: *Вәли Х.* Безнең матбугат ничек үсә? // Безнең юл. – 1927. – № 2. – 21–25 б.

¹² Выражение Гумара Галиева в его критической заметке относительно сборника Габдуллы Тукая, подготовленного Фатхи Бурнашем (Галиев Г. Г.Тукай шигырьләре // Кызыл Татарстан. – 29.08.1926. – № 195 (1658)

¹³ *Сәйфи-Казанлы Ф.* Габдулла Тукай әсәрләренә ижтимагый һәм сәяси йөзе // Габдулла Тукай әсәрләре. Икенче том. – Казан, 1930. – XXXII б.

¹⁴ *Шунда ук.* – XXXIII б.

¹⁵ Кави Наджми доказывал эту мысль в 1928 г. на примере стихотворения Тукая «Эштән чыгарылган татар кызына» (было опубликовано в «Яшен» 24 июня 1909 г.) (Нәжми К. Әдәбиятыбызда марксизм тәнкыйте һәм Галимжан // Нәжми К. Әсәрләр. Дүрт томда. – Т. 4: Әдәби публицистик мәкаләләр һәм очерклар, хатлар / Ред. Н. Гыйззәтуллин, Т.Нәжметдинов. – Казан, 1984. – 61–62 б.). В 1931 г. Ф.Сайфи-

Казанлы продемонстривовал неспособность Тукая к «правильному» политическому анализу на примере стихотворений «Бичара Бибижиһан» (опубликовано в «Әл-ислах» 27 мая 1908 г.) и «Мәжрух указ» («Ялт-Йолт» от 15 марта 1910 г.) (Сәйфи-Казанлы Ф. Г.Тукай әсәрләрендә пародия, сатира, ирония һәм юмор // Г.Тукай әсәрләре. – Т.3. – Казан, 1931. – XXII, XXV б.)

¹⁶ Шамов А. Фольклор мәсьәләләре // Яңалиф. – 1931. – № 8/9. – 63 б.

¹⁷ Очень пластично это представлялось, например, в сообщении о праздновании 60-летия со дня рождения Г.Тукая. У могилы поэта собрались представители партии, комсомола, советов, общественных организаций, предприятий и учреждений, а также гости из соседних республик, писатели, поэты, ученые, композиторы, деятели искусства и студенты. Сообщение заканчивалось словами: «Вот с таким уважением народ [!] вспомнил своего любимого поэта» (СӘ. – 1946. – № 6. – 120 б.)

¹⁸ Абдрахманов Ф. Тукай һәм балалар әдәбияты // СӘ. – 1940. – № 1/2. – 165 б.

¹⁹ Халит Г. Габдулла Тукай (1886-1913) // Тукай Г. Әсәрләр. – Т. 1. / Ред. Х. Хисмәтуллин; Я.Агишев. – Казан. 1955. – XXV б.

²⁰ Шунда ук. – XXIV б. Ну и конечно именно поэтому вряд ли могло быть случайностью, что первое опубликованное стихотворение Тукая являлось переводом стихотворения Кольцова.

²¹ См., например: Нәжми К. Халык шагыйре. Габдулла Тукайның тууына 60 ел тулу унае белән // Нәжми К. Әсәрләр. Дүрт томда.. – Т. 4: Әдәби публицистик мәкаләләр һәм очерктар, хатлар / Ред. Н. Гыйззәтуллин, Т.Нәжметдинов. – Казан, 1984. – 173 б.

²² Подобное развитие усилилось во времена Брежнева, когда «гибридный советский человек» превратился в идеал для представления о «национальных» героях. См.: Collias, Karen A.: Making Soviet Citizens: Patriotic and Internationalist Education in the Formation of a Soviet State Identity, in: Soviet Nationality Policies. Ruling Ethnic Groups in the USSR. Eds. Henry R. Huttenbach, London 1990, S. 82–85.

²³ Нәфигов Р. Габдулла Тукай биографиясен өйрәнүнең кайбер мәсьәләләре // КУ. – 1966. – № 8. – 122 б.

²⁴ Devlet, Nadir: Kazan Türkleri ve Abdullah Tukaj, in: Kazan 1971 (3), S. 6.

²⁵ Хәким С. Габдулла Тукай – Шагыйрьгә 90 ышь тулу унае белән . – Казан, 1975. – 10 б.

²⁶ Gabduš, Hüsein: Neden ben küçük „apuş“ değil kos-koğaman „Tuqaj“ oldum?, in: Kazan 1973 (10), S. 41.

²⁷ Антонов Б.; Вәлиева Л. Габдулла Тукайның әдәби-мемориаль музейе. – Казан, 1984. – 3 б.

²⁸ Во время моего пребывания в Казани, в конце 1993 г., я провел опрос среди татарских студентов, обучающихся в Казанском университете и педагогическом институте по специальностям «татарская литература» и «татарская история». Большая часть из 36 вопросов анкеты касалась татарского национального сам осознания и татарской литературы. Конечно, мой опрос не является полностью репрезентативным (я получил ровно 100 заполненных анкет), но, на мой взгляд, я могу выделить основные моменты. То, что мне представляется важным в ответах о популярности произведений Тукая, я буду приводить далее с пометкой «Опрос Казань – 93».

²⁹ Ибраһимов Р. Сибиря татарлары карашында мәрхүм Габдулла әфәнде Тукаев // Тормыш. – 02.04.1914. – № 49. Указанное стихотворение было опубликовано в 4 номере журнала «Әлгасрел-жәдит» 15 апреля 1906 г.

³⁰ Одним из немногих и первых тогдашних татарских авторов, которые заявляли, что Тукай уже самым первым своим стихотворением, опубликованным в «Фикер» 26 ноября 1905 г. «сумел завоевать любовь очень многих людей», был Ибрагим Биккулов (Биккулов И. Габдулла әфәнде Тукаев // Сибиря. – 07.04.1913. – № 96).

³¹ См.: Сәгъди Г. Габдулла Тукаев // Вақыт. – 03.02.1909. – № 427; Мөхәммәдъяров Ш. Тукай кем?. – М., 1918. – 14 б.; Лайсов Н. Габдулла Тукай. – Казан, 1985. – 66 б. Октябрьгә кадәрге татар театры / Ред. Н.Мәхмүтов, И.Илялова, Б.Гыйззәт. – Казан, 1988. – 62 б.

³² Габдулла Тукаев шигырьләре (Шигырьләр көтепханәсеннән 3-нче дәфтәр). – Казан, 1907.

- ³³ *Әмирхан Ф.* Габдулла Тукаев шигырьләре // Әл-ислах. – 03.12.1907. – № 9.
- ³⁴ См., например: Вақыт. – 03.02.1909. – № 427; 03.04.1913. – № 1170; Кояш. – 11.04.1913. – № 93; Ил. – 27.04.1914. – № 25.
- ³⁵ Dumas, Alexander: Reise durch Rußland. Berlin (Ost) 1978, S. 447.
- ³⁶ Ibid., S. 448.
- ³⁷ *Ибраһимов Г.* Татар шагыйрьләре. – Оренбург, 1913. – 65 б.
- ³⁸ См., например: *Әмирхан Ф.* Печән базары // әл-ислах. – 24.11.1908. – № 52; Бәкер К. Күңел жимешләре // нур. – 15.04.1911. – № 230; Вәлиди Ж. Габдулла Тукаев // Вақыт. – 06.04.1913. – № 1172; Баттал Г. Габдулла Тукаев: Искә төшерү // Кояш. – 17.04.1913. – № 98; Ибраһимов Р. Сибирия татарлары карашында мәрхүм Габдулла әфәнде Тукаев // Тормыш. – 02.04.1914. – № 49; Зәбиров Х. Шагыйрьнең оныгылмас образы // КУ. – 1976. – № 4. – 125–127 б. Мой опрос в Казани подтвердил сохраняющуюся популярность этих стихотворений. На вопрос о любимом стихотворении Тукая студенты ответили так: 1. Шүрәле (61 человек); 2. Туган тел (47); 3. Пар ат (40); 4. Су анасы. На 7 месте находится политическое стихотворение «Сорыкортларга» (однако, со значительным отставанием от названных, его упомянули только 9 отвечавших на вопросы).
- ³⁹ *Мөхәммәдъяров Ш.* Тукай кем?. – М., 1918. – 14 б.
- ⁴⁰ *Баттал Г.* Габдулла Тукаев: Искә төшерү // Кояш. – 17.04.1913. – № 98.
- ⁴¹ *Гомдә.* Габдулла әфәнде Тукаев хәзрәтләре // Сибирия. – 05.04.1913. – № 95.
- ⁴² *Бәкер К.* Күңел жимешләре. // Нур. 15.04.1911. – № 230.
- ⁴³ *Нуркин З.* Жырчы малай // Кояш. – 02.04.1913. – № 377.
- ⁴⁴ *Рәмзи Ш.* Тукай һәм яшьләре // Татарстан. – 15.04.1923. – № 77 (742).
- ⁴⁵ *Мөхәммәдъяров Ш.* Тукай кем?. – М., 1918. – 15 б.
- ⁴⁶ *Гомәрәв Ә.* Тукай хакында // Татарстан. – 06.04.1923 – № 72 (737).
- ⁴⁷ *Нигъмәти Г.* Габдулла Тукаев: Үлүенә ун ел тулу мөнәсәбәте белән // Юлдаш. – 1923. – № 3(12). – 1923. – 75 б. Не совсем ясно, имел ли в виду Г.Нигмати стихотворение «Юаныч», опубликованное в «Бәянехак» 24 июля 1907 г. или же сборник стихов, изданный под этим названием в 1908 г.? В 1930 г. и Гумар Тулумбайский выразил убеждение в том, что при жизни Тукая особенной известностью и любовью среди населения пользовались его фольклористические произведения (Толымбайский Г. Тукай һәм халык әдәбияты (Тукайның “Халык әдәбияты” һәм “Халык моңнары” әсәре белән). – Казан, 1930. – 21 б.)
- ⁴⁸ *Шунда ук.*
- ⁴⁹ *Сәйфи-Казанлы Ф.* Габдулла Тукай әсәрләренә ижтимагый һәм сәяси йөзе // Габдулла Тукай әсәрләре. Икенче том. – Казан, 1930. – III б.
- ⁵⁰ *Бурнаш Ф.* Талант юлы // СӘ. – 1936. – № 5. – 59 б.
- ⁵¹ *Габдрахманов Ф.* Г.Тукай сайланма әсәрләренә сүз башы турында // СӘ. – 1938. – № 4. – 78 б.
- ⁵² Халыкның мактаулы шагыйре // Кызыл Татарстан. – 15.04.1938. – № 86 (5287).
- ⁵³ Dewhurst, Martin; Farrell, Robert: The Soviet Censorship, Metuchen (New Jersey) 1973, S. 27.
- ⁵⁴ Кызыл Татарстан. – 10.04.1938. – № 82 (5283) (редакционная статья). Доклады о Тукае были прочитаны и на фабриках в Москве, где работали татары: Кызыл Татарстан. – 17.04.1938. – № 88 (5289). О подобных мероприятиях в школах и университетах см.: Кызыл Татарстан. – 06.04.1938. – № 79 (5280); 08.04.1938 – № 80 (5281).
- ⁵⁵ Кызыл Татарстан. – 10.04.1938. – № 82 (5283).
- ⁵⁶ *Шунда ук.* – 12.04.1938. – № 84 (5285); 17.04.1938. – № 88 (5289).
- ⁵⁷ В августе 1926 г. Махмут Будайли говорил не только о нехватке, но и о полном отсутствии произведений Тукая в книжной торговле (Бөдәйли М. Г.Тукай шигырьләре мәжмүгасы // Кызыл Татарстан. – 25.08. 1926. – № 191 (1654). Газета «Эшче» 31 марта 1928 г. подтвердила это сообщение.
- ⁵⁸ *Гайнуллин М.* Тукай һәм халык ижаты // СӘ. – 1945. – № 12. – 63 б.
- ⁵⁹ Devlet, Nadir: Kazan Türkleri ve Abdullah Tukaj, in: Kazan 1971 (3), S. 10; Хәким С. Габдулла Тукай – Шагыйрьгә 90 яшь тулу уңае белән. – Казан, 1975. – 7 б.
- ⁶⁰ *Агши С. Г.* Тукай – безнең замандашыбыз // Кызыл таң. – 26.04.1956. – № 98 (7719).

⁶¹ Devlet, Nadir: Kazan Türkleri ve Abdullah Tukaj, S. 10.

⁶² Хәким С. Габдулла Тукай – Шагыйрьгә 90 яшь тулу унае белән. – 7 б.

⁶³ Groys, Boris: Gesamtkunstwerk Stalin. Die gespaltene Kultur in der Sowjetunion 1917-1985, München, Wien 1988, S. 55. В данном случае высказывание относится к созданию «прогрессивных» авторов и героев в сталинскую эпоху. На мой взгляд, такие характеристики вполне применимы и к изучению и представлению о Тукае в послесталинское время.

⁶⁴ Автор применяет в данном случае немецкое слово «Beschäftigung», которое я и перевожу дословно как «занятие, деятельность», что в выражении «занятие поэтом и его творчеством» звучит не очень литературно. (Прим. переводчика)

⁶⁵ Шәраф Ш. Габдулла Тукай хакында бәгъзе хәтирәләрем // Укытучы. – 1918. – № 4. – 93 б.

⁶⁶ Нигъмәти Г. Габдулла Тукаев: Үлүенә ун ел тулу мөнәсәбәте белән // Юлдаш. – 1923. – № 3 (12). – 64 б.

⁶⁷ Бөдәйли М. Г. Тукай шигырьләре мәжмугасы // Кызыл Татарстан. – 25.08. 1926. – № 191 (1654)

⁶⁸ См., например: Шамо́в А. Ике китап турында // Эшче. – 31.03.1928. – № 65 (1306).

⁶⁹ Нигъмәти Г. Шагыйрь Габдулла Тукай үлүгә унбиш ел тулды // Кызыл Татарстан. – 15.04.1928. – № 88 (2151).

⁷⁰ Габдулла Тукай – татар әдәбиятының язы // СӘ. – 1945. – № 3/4. – 46 б.

⁷¹ Нәфиков Р. Г. Тукайның Уральскида эшчеләр белән аралашуы // СӘ. – 1954. – № 10. – 107 б.

⁷² Әпсәләмов Г. Сугышчан тәнкийт өчен // СӘ. – 1954. – № 6. – 81 б.

⁷³ Баширов Г. Безнең бурычлар: Язучылар жылышында сөйләнгән докладка нигезләнеп язылды // СӘ. – 1955. – № 3. – 107 б.

⁷⁴ Туфан Х. Киләчәктә яшәүче // СӘ. – 1961. – № 4. – 49 б.

⁷⁵ Хәйри Х. Тукай традииясе һәм совет поэзиясе // СӘ. – 1961. – № 11. – 132 б.; Баширов Г. Даһи Тукай, остаз Тукай // СӘ. – 1961. – № 4. – 35 б.

⁷⁶ Нуруллин И. Шагыйрьне өйрәнү юлында // КУ. – 1966. – № 3. – 121, 127 б.

⁷⁷ Слово «татары» взято в кавычки потому, что до начала 20 в. еще не имелось национально охарактеризованного татарского самосознания. Дискуссия о «татарской нации» (понимаемой в западном смысле) началась только в конце первой декады 20 в., хотя уже была заметна в конце 19 в. в работах Каюма Насыри, оставшихся, правда, незамеченными тогдашней «татарской» общественностью (см. также вводную часть раздела «Развитие языка Габдуллы Тукая»).

⁷⁸ О джадидизме и джадидистах см., например, превосходные работы Едварда Лазерини, упомянутые в списке литературы.

⁷⁹ Самым известным и, на мой взгляд, самым лучшим примером сатирических стихов Тукая является поэма «Печән базары яхуд Яңа Кисекбаш». Она появилась отдельным изданием в ноябре 1908 г.. Первый тираж составил 4000 экземпляров и был распродан в течение одного месяца (Шәраф Г. Тукай тугърысында истә калганнар // Аң. – 1913. – № 7. Цит. по: Такташ турында истәлекләр. – 113 б.). Второй тираж, в том же объеме, появился в декабре 1908 г., также был распродан в течение нескольких месяцев (Хәким С. Габдулла Тукай – Шагыйрьгә 90 яшь тулу унае белән. – Казан, 1975. – 10 б.). Так что это сочинение имело и коммерческий успех, который до того времени не встречался в татарской литературе (Лаисов Н. Габдулла Тукай. – Казан, 1985. – 69 б.)

⁸⁰ Ибраһимов Г. Татар шагыйрьләре. – Оренбург, 1913. – 100 б.

⁸¹ Рәфикый Г. Тукайны тәхәттүр // Аң. – 1914. – № 7. – 144 б.

⁸² Насколько мне известно, и в постсоветском Татарстане опубликовано только стихотворение «Кадер кич» (Гайнетдинов М. Тукайның «адашкан» шигырьләре // КУ. – 1991. – № 4. – 147 б.)

⁸³ См.: Магис (=Максут М.). Сынган кылычлар һәм каргалар белән былбыллар турында // Безнең юл. – 1928. – № 5. – 18–23 б.; Чыгтай Г. Бөтен ислам дине «гыйлемлекләре» бары да «Иман шарты» рамкасында // Фән һәм дин. – 1929. – № 22 (85). – 7 б.; Сәйфи-Казанлы Ф. Габдулла Тукай әсәрләренә ижтимагый һәм сәясәт йөзе // Габдулла Тукай әсәрләре. Икенче том. – Казан, 1930. – XXXI–XXXII б.

⁸⁴ Одной из первых татарских публикаций, появившихся в советское время на тему ислама, стала работа Мирсаида Султангалиева «Мөселманнар арасында дингә каршы көрәш методлары» (1921 г.) Уже в 1923 г. она подверглась критике со стороны Галимджана Ибрагимова за то, что она в реальности выступает не против, а за ислам, потому что она подчеркивает, прежде всего, позитивную роль ислама в культурном развитии татар за последние 10–15 лет (Ибрагимов Г. Ислам тирәсендә // Безнең байрак. – 06.10.1923. – № 32). См. об этом: Сәгәдиев А. Солтангалиев һәм Советлар Россиясенен милли сәясәте // КУ. – 1991. – № 4. – 158–173 б.

⁸⁵ *Ибрагимов Г.* Китаплар арасында // Безнең юл. – 1925. – № 1 (цит. по: Ибрагимов Г. Әсәрләр. – Т. 6: Публицистика (1907–1932) /Ред. Р.Гайнанов. – Казан, 1986. – 394 б.

⁸⁶ Например, «Дин белән көрәш кабинеты» в Казанском университете и «Дәхриләр оешмасы» в Москве.

⁸⁷ *Ибрагимов Г.* Ислам тирәсендә // Безнең байрак. – 06.10.1923. – № 32.

⁸⁸ Например: Диннәрнең килеп чыгышы. – Казан, 1924; Исламның сыйнфый нигезләре. – Казан, 1925; Конов М. Мөхәммәт һәм аның төп теләге. – Казан, 1925; Чыгтай Г. Мин нидән динсезләндем. – М, 1925; Сәйфи-Казанлы Ф. Татар дине. – Казан, 1926; Хәким Н. Исламның килеп чыгышы. – Казан, 1926 и др. Библиографические данные взяты мной из издания: Ибрагимов Г. Әсәрләр. – Т. 6: Публицистика (1907–1932) /Ред. Р.Гайнанов. – Казан, 1986. – 394–395 б.

Аннотация

Данная публикация – перевод одной из глав книги немецкого ученого-тюрколога Михаэля Фридриха «Габдулла Тукай – высокопочтимый поэт на службе татарской нации и советского социализма», изданной в Висбадене в 1998 г. Автор поставил себе целью выяснить, как интерпретировались сам поэт и его творчество в разное время, как он «использовался» в разной политической и идеологической ситуации, как его творчество и личность фактически были поставлены на службу самым различным политическим воззрениям. При этом реально получалось так, что сам поэт как бы оставался на втором плане. Проанализировав многочисленные публикации ученых и журналистов, М.Фридрих сделал достаточно оригинальные наблюдения и выводы.

Ключевые слова: Тукай и мировая литература, Тукай и русская литература, мировоззрение Тукая, идеологическая интерпретация Тукая.

Summary

This publication represents the translation of the chapter from the book «Gabdoullah Tukay – highly honoured poet in service of the Tatar nation and Soviet socialism» by the German turkologist Michael Friederich which was published in Wiesbaden in 1998. The aim of the author was to find out how the poet and his creative activity were interpreted in different periods and used in political and ideological situations and finally how his creative activity and personality were put in service of various political views. However, it turned out that the poet was left in the background. Having analyzed numerous publications of scientists and journalists, Friderikh made original observations and conclusions.

Key words: Tukay and world literature, Tukay and Russian literature, Tukay's worldview, ideological interpretation of Tukay.